Ванюху выселили въ баню. Ваня сталъ ѣздить въ лѣсъ рубить дрова: дрова продавалъ и покупалъ хлѣбъ. Нашелъ далеко въ лѣсу домъ на полянѣ: о́кны затво́рены и ворота́ тожо. Въ дому никово нѣтъ; стоитъ чанъ съ виномъ; онъ вино выпелъ, пѣсенку затянулъ. Пріѣхали 30 разбойниковъ. Ваня одново *тѣ́ньknулъ* кулако́мъ, и на́-мертво убилъ. Всѣхъ убилъ, одинъ есаулъ успѣлъ скрыться. Взялъ Ваня золото-се́ребро, одёжды разной; позвалъ брата въ гости: „я 'менинникъ!“—„Сухую корку развѣ глодать?“ отвѣчаетъ братъ; однако прихо́дютъ.—„Я кладъ нашолъ: это вѣдь отецъ мнѣ оставилъ по-наслѣдству“.

Ваня переселился съ сестрою въ лѣсъ, въ этотъ домъ; сталъ ходить на охоту. Возьмётъ ружьишко, пойдетъ; однажды Ваня разыскалъ игро́выхъ *косачёй*: „надолго пойду“, говоритъ. Безъ него явился есаулъ, поглянулся сестрѣ. У сестры дитё отъ есаула. Послѣдній научаетъ сестру: „вёрсъ за 60 живутъ разбойники — пошли: тамъ ево убьютъ!“ — Сестра запросила садо́выхъ яблоковъ. Ваня яблоковъ набра́лъ, слышитъ: руской голосъ кричитъ: помогите! Разбойникъ ведетъ плѣнницу-дѣвушку. Ваня отбилъ ее, повёлъ ее съ собой. „Я купеческая дочь“. Сестра будто-бы рада подругѣ: „названная сестра“. Послѣдняя слышитъ, что сестра Вани съ кѣмъ-то шепчетца въ заднихъ комнатахъ, и проситъ у Вани: „да'-ко мнѣ оружіе: можетъ быть звѣрь нападётца!“ — Стали въ дурачки играть: кто проиграетъ, тому руки связать кана́томъ. Она ево обыгра́й; понатужился Ваня, канатъ ло́пнулъ. Волосяной канатъ Ваня не можетъ порвать: „развяжи!“—„Погоди, я за ножикомъ схожу!“—Хотѣли съ есауломъ убить Ваню, но купеческая дочь его спасла, и они свѣнча́лись.

---

50. „Воръ Ванька“.

1. У кресьянина сынъ былъ. Исполнилось ему 15 лѣтъ, отецъ и говоритъ матери: „Надо Ваньку привести въ городъ, отдать кому-нибудь въ ученье!“—Привёлъ, здалъ ево сапожнику въ *строкъ*, на́ годъ. Парень жи́во всё перенялъ, сталъ рабо́тать какъ слѣдуетъ.

Однажды сшили купцу лакиро́ванные сапоги, посылаютъ: „Ну-ко, Ванька, снеси вонъ къ тому купцу эти сапоги, получи деньги!“—Ванька шолъ, шолъ: „Да'-ко, я ихъ примѣряю: не въ самой ли разъ мнѣ? Послѣ сошью себѣ таки же!“—Примѣрялъ,—въ самой разъ.—„Да што,—говоритъ:—къ ему идти? Пойду домой, обману отца: што онъ меня избилъ да про́гналъ“.

Приходитъ къ отцу.—„Ты што, Ванька, рано? Строкъ вѣдь не кончился?“—„Да што, тятька! онъ день и ночь пьётъ, меня бьётъ. Билъ, билъ; вотъ сколько служилъ, вы́гналъ—сапоги только и далъ мнѣ лакированные“.

2. „Ну, такъ што жъ? Давай пойдёмъ къ портно́му!“— Привёлъ къ портному, сдалъ ево опять въ *строкъ*, на́ годъ. Про́жилъ у нево три дня. Какъ разъ шили *тройку* купцу изъ хорошево матéрія.—„*Айда́-ко*, Ванька, снеси́ вонъ въ тотъ домъ ету тройку, получи деньги!“—Ванька зашолъ за́ уголъ, примёрялъ ету тройку, на себя всю надёлъ—подошла́сь тройка.—„Дай убёгу опять къ отцу!“

Приходитъ, тотъ удивилсы.—„Ты што, Ванька, пришолъ опять?“—„Што, тятька! хозяинъ шишко хорошой былъ, да третьева дня внезапно и умеръ. Мнѣ хозяйка взяла́ да тройку-ту и подарила: „*айда*,—говоритъ:—Ваня, съ Богомъ, домой!“—Я ушолъ.

3. „Куда жо я сечасъ тебя, Ваня?“— А у Ваньки былъ дядя воръ.—„Отдай меня, тятька, къ дядѣ воровать учицца!“—„Што ты за́ дуракъ? Нѣтъ, не отдамъ!“—Такъ и не о́тдалъ.

Черезъ недѣлю отецъ и мать у нево захворали и умерли. Онъ къ дядѣ пошолъ. Приходитъ.—„Здоро́во, дядя! Возьми меня съ собой воровать учи́цца!“—„Ладно! парень шу́стрый, ничево, пойдёмъ!“—Подры́лись подъ магази́нъ къ кущу и стали пота́скивать у нево казну́.

Воруютъ; казна убываетъ. Не мо́жутъ догадатца: ка́къ чево? откуда чево? И нашли ету лазейку. Взяли, чанъ со смолой нагрѣли, да и спусти́ли, hдѣ имъ ла̀зать.

Вотъ, подошли́ ночью дядя съ Ванькой. Дядя былъ пьяной. Ванька учу́ялъ смо́лу.—„Ну, дядя, полѣзай!“—Дядя полѣзъ и попалъ въ смо́лу, и захлебнулся; умеръ. Ванька ево поташши́лъ за́ ноги, оторва́лъ ему го́лову. Утромъ пришли, нашли какъ разъ: лежитъ человѣкъ—и безъ головы. Ну, хорошо. Взяли ево выбросили безъ головы. И прямо съ головой (не замѣтили го́лову въ чану́) чанъ вы́лили.

4. И повезли по селу́ дядю етова, покойника: не призна̀ютъ ли хто? Ванька и говоритъ тёткѣ: „тётка, дядя вѣдь вотъ въ чанъ упалъ; ево сечасъ повезутъ по селу. Тебѣ охота поревѣть? Возьми кри́нку съ молокомъ, сравняйся съ нимъ, разбей кринку и реви-причитай, чё тебѣ угодно!“—Сравнялась она съ нимъ, хлопъ кринку и давай ревѣть: „Милой ты мой корми́лецъ, драгоцѣнной! Какъ я безъ тебя буду жить-то?..“—Ёе и спрашиваютъ: „Ето, тётка,

развѣ твой мужъ?“—„Нѣтъ! што вы? я объ молокѣ реву́: вотъ молоко пролила, а купить больше не́ на што!..“—Наревѣлась и пошла домой.

5. Ванька сталъ опять ету казну́ воровать ходить. Какъ вора поймать? не знаютъ. Сдогадались: взяли выставили на дворѣ чанъ съ виномъ; воръ придётъ: обязательно ужъ онъ духъ услышитъ ви́нной; всё-таки выпьетъ, напьётца, свали́цца—вотъ мы ево и поймаемъ.

Пошолъ Ванька въ ету ночь воровать. Набра́лъ сколько надо денегъ; пошолъ обратно, слушаетъ: што-то виномъ пахнетъ. Нюхать, нюхать, унюхалъ, подошо́лъ къ ча́ну, выпилъ стаканъ (ковшъ былъ), другой и трѣтей; опьянѣлъ, свалился и уснулъ. Прихо́дитъ сторожъ. — „А! попа́лся, голубчикъ!“ думаетъ въ себѣ. А Ванька былъ здорове́нной ростомъ. Думаетъ [сторожъ]: „не унесь мнѣ вѣдь одному-то ево! Дай пойду ешо ково-нибудь скричу!“ — Взялъ да ему полбороды и отстригну́лъ: „если проснётца, пойдётъ, такъ мы всё равно ево безъ бороды-то всё узна́емъ!“

Какъ разъ Ванька вскорѣ и проснулся. Хвать, ужъ бѣло́ на дворѣ-то. Поймался за́ бороду, шшупаетъ: полбороды нѣтъ.—„Охъ, чортъ тебя побра́лъ! што я бу́ду теперь дѣлать?.. Бѣжать!“ — Выбѣжалъ на большую дорогу; идётъ на встрѣчу мужикъ съ большой бородой. Схватилъ ево за́ бороду, оторва́лъ ему полбороды. Отбѣжалъ, идётъ второй; схватилъ и тово, у тово полбороды. Такъ ихъ много онъ нарвалъ. Ну, и убрался.

Стали искать по селу: которова не схватютъ, у кажнова полбороды нѣтъ.—Какъ вора найти?

6. А Ванька взялъ подровня́лъ себѣ бороду, обстри́гъ (вы́ровнялъ). Думаетъ: „Будетъ воровать, стану обманомъ деньги наживать“.—Собра́лся, пошолъ въ другое село. Смотритъ: баба холсты́ разослала сушить. Только ушла, Ванька подходитъ и снялъ эти холсты, и снёсъ въ овинъ—спряталъ. Идётъ опять въ село.

По вре́мю баба знаетъ, што холсты вы́сохли; идётъ снимать. Смотритъ: холсто́въ нѣтъ, и давай ревѣть. Ванька подходитъ и спрашиваетъ её: „ты чево́, тётка, *орёшь*?“ — „Што́ ты, батюшка? холсты кто-то укралъ!“ — „Подёмъ, тётка, въ ызбу, *чечасъ* ворожить станемъ!“ — Зашли въ избу. — „Давай, тётка, ковшъ воды!“ — Глядѣлъ, глядѣлъ и

говоритъ ей: „Ну, тётка, на той недѣлѣ ты ругалась — вонъ въ томъ домѣ баба есь, — ты съ ёй поругалась, вотъ она у тебя ихъ сняла, да въ овинъ и снесла. *Айда*, бѣги́ сечасъ: въ овинѣ они лежатъ! а то ута́шшытъ!“

Побѣжала баба, нашла холсты. — Какъ въ ру́ку поло́жилъ! — Пришла, въ но́ги ему: — „Батюшка, чѣмъ же съ тобой разсчитыватьца?“ — „Ну, есь деньги, такъ де́ньгами давай! а то — масломъ, я́ицами беру!“ — Дала рупь денегъ, я́ицъ поллуко́шка. Распростился Ванька, пошо́лъ.

А баба ета побѣжала къ той сусѣдкѣ, на которую онъ показалъ, и давай ругацца: „Ты воровка! така-сяка! холсты́ уташшы́ла!“ — Ну и разодрали́сь.

7. А Ванька идётъ своей дорогой. Подходитъ къ купеческому до́му. Смотритъ: тройка лошадей. Схватилъ ихъ и въ лѣсъ; привязалъ въ тали́нникъ, въ кусты, и ходитъ по етому же селу. Хватился купецъ, лошадей нѣтъ! Вотъ бѣда! Туда сюда искать, — нѣту! провали́лись лошади, негдѣ найти не мо́жутъ.

Какъ разъ и приходитъ та баба, у которой холсты терялись, въ лавку купить мыла.—„Объ чёмъ ето вы ту́жите?“ спрашиваетъ она у купца.—„Да што ты, Ермолаевна? да я тройку лошадей потерялъ! Вотъ всево́ черезъ часъ стояли тутъ! — нѣту!“ — „Батюшка, Евсѣй Поликарпычъ! у насъ вѣдь по селу́ колдунъ ходитъ! всю подноготную, батюшка, знаетъ!“—А какъ разъ Ванька мимо и идётъ.—„Во́тъ онъ! вотъ онъ!“

Купецъ живо кричитъ: „Ей, дѣти́нушка! зайди-ко сюда!“ — Заходитъ Ванька и говоритъ: „Знаю, купецъ, чево́ ты хошь спра́шивать! У тебя потерялась тройка лошадей?.. Давай ковшъ воды! сейчасъ посмо́тримъ, хто укралъ?“ — Смотрѣлъ, смотрѣлъ и говоритъ: „Твоихъ лошадей укралъ— прошломъ го́дѣ мужику посѣять ты не далъ пшеницы — вотъ тотъ и укра́лъ! Бѣги, вотъ онѣ за 12 какихъ-нибудь шаговъ въ *тали́нникѣ* привязаны! До́ ночи бы простоя́ли,— онъ ихъ у тебя бы и угна́лъ!“

Побѣжали, ведутъ лошадей. Купецъ и спрашиваетъ: „ну, господинъ колдунъ, чево́ тебѣ за труды?“ — „Ну, рубликовъ 50, и бу́детъ! у тебя тройка вѣдь до́рого сто́итъ!“— Далъ ему купецъ и проводилъ съ почётомъ.

8. И пошла про Ваньку сла́ва. Какъ разъ въ этѣмъ ко-

ролевствѣ, гдѣ Ванька жилъ, у короля и потерялось кольцо вѣнча́льное. Вотъ призва́ли мудрецо́въ разныхъ, ворожей,— ничё не могутъ угадать.

Этотъ купецъ, у которова потерялась тройка, и пріѣхалъ въ етотъ городъ. И какъ разъ на постоя́ломъ разговоръ и ведутъ: „Вотъ у короля потерялось кольцо! бѣда теперь всѣмъ будетъ!“

Заходитъ Ванька. Купецъ ево сразу узналъ. Виду ему не показа́лъ, што узналъ ево; побѣжалъ етотъ купецъ прямо къ королю: „Доло́жьте, пожалуста: я желаю кое-што королю разсказать!“ — Выходитъ король, спрашиваетъ ево: „Што тебѣ, молоде́цъ, нужно?“—„Я слышалъ, Ваше Королевское Величество, у васъ потерялось кольцо. Дакъ я и пришолъ вамъ сказать, што у васъ, въ вашемъ городѣ, на постоя́ломъ останови́лся колдунъ; вотъ онъ-то вамъ всё и разскажетъ, куды и кольцо дѣвалось“.—„Ну, хорошо, спасибо(а)!.. Запереть ево въ тюрьму (купца)! Если колдунъ вы́ворожитъ, то я тебя награжу, а если ничё не придётца, такъ обѣхъ велю повѣсить!“

Побѣжали за Ванькой. Привели. Заходитъ, кланяетца.— „Ну, што! ты можешь ворожить?“ спрашиваетъ король.— „*Мараку́ю*, Ваше Королевское Величество!“—„Ну, такъ вотъ! выворожишь, награжу! а обманешь, соврёшь, велю повѣсить!“ — „Хорошо! Дайте мнѣ сроку на три дня и на три ночи!“—Запёрли ево въ комнату.

9. И думаетъ Ванька, сидитъ: „Пропалъ я, голубчикъ! Чево я буду говорить ему, ко|да я ничево не знаю?.. Э! да дождусь третьихъ пѣтуховъ: какъ пропоютъ, разбѣгу́сь—и въ окно: хоть и убьюсь, такъ всё-таки не повѣшеной буду!“

А это кольцо украли поваръ, ко́нюхъ и дворецкой. Они— ну, колдунъ извѣстной, слава идётъ, вѣдь онъ сечасъ узна́етъ — тру́сютъ. — „*Айда*-ко, — посылаютъ поваръ конюха послушать: — *чё* онъ тамъ ворожитъ?“ — Только подошолъ къ двери, пропѣли первые пѣтухи. Ванька говоритъ: „Слава Богу! одинъ есь!“ — Тотъ и бѣжитъ обратно, сказывать: „Ну, ребята! только къ дверѣ подошолъ, ухо нало́жилъ, онъ и говоритъ: „Слава Бо́гу, одинъ есь!“—Меня, стало быть, узналъ!“

Посылаютъ второва: „Ну-ко, ты *айда*, слушай!“ — Только второй подошолъ, вторые пѣтухи пропѣли; Ванька и гово-

ритъ: „Слава Богу! два есь!“ — Тотъ и бѣжитъ: „ну, ребятушки, и меня узналъ!“

Посылаютъ третьева: „Ну, если тебя узнаетъ, бро́симся къ нему въ ноги! станемъ просить прошшенья, и кольцо отдадимъ!“ — Только подходитъ, третьи пѣ́тухи. — „Слава Богу, три есь!“ Ванька говоритъ и бросился бѣжать къ дверѣ. Подбѣгаетъ, а онѣ бухъ ему всѣ трое въ ноги: „Батюшка колдунъ, спаси насъ, не разсказывай! мы вѣдь кольцо-то украли!“

10. „Я какъ зашолъ, такъ васъ сразу замѣтилъ! знаю, што вы!.. Ну, да чё съ вами подѣлаешь? давайте, выворачивайте полови́цу живо!“ — Вы́воротили полови́цу; взялъ у ихъ Ванька кольцо и бросилъ въ по́дполъ. — „Давайте на мѣсто полови́цу! дакъ штобы плотно она не была, оставьте—какъ кольцу пролѣсь такую шшелку!.. Ну, теперь отправляйтесь!“

Самъ закричѣлъ: „Эй, докладывайте королю! выворожилъ!“—Бѣжитъ король: „Ну, што, колдунъ? какъ дѣла?“— „Для меня, вѣдь, Ваше Королевское Величество, хитрости нѣтъ! У васъ ево нихто и не воровалъ! Горнишная сметала съ окошка и смела́ на́ полъ; вонъ въ ту вонъ шшель и провали́лся“.—Живо отворотили́ полови́цу, смотрятъ: кольцо тамъ.

11. „Ну, дѣтинушка, молодецъ! пойдемъ-ко со мной въ садъ!“—Пошли съ королёмъ Ванька въ садъ.—„А што колдунъ, глубока́ ли земля?“ спрашиваетъ король у Ваньки.— „Вотъ у меня 190 лѣтъ тому назать умеръ дѣдъ и захотѣлъ назать съ тово свѣту воротитца: идётъ, идётъ, и сечасъ не можетъ выйти“.

„А сколько на небѣ звѣздъ?“ — „Давайте, Ваше Королевское Величество, мнѣ булавочку да ли́стикъ бумажки!“— По́далъ ему лисъ бумаги и булавку. Онъ всю её исты́калъ въ дырочки, весь листъ.—„Вотъ сосчитайте-ко, Ваше Королевское Величество, сколько тутъ дырочекъ!“ — Тотъ считалъ, считалъ, всё *метлеси́тъ*; не можетъ сосчитать.—„Што́ ты́ за дуракъ, да hдѣ же тутъ сосчиташь?“—Ванька: „Ну, также и звѣзды: сколько не считаешь, всё метлеся́тъ да сверкаютъ! hдѣ же ихъ сосчитаешь?“

12. Отошли немного. Король поймалъ въ ру́ку майскова жучка́. (А Ваньку ругали въ деревнѣ: „Жучо́къ“). Король и спрашиваетъ: „А вотъ што, колдунъ! отгадай, што у меня

въ рукѣ?“ — Ванька и говоритъ ему какъ будто про себя: „Ну, попался Жучокъ королю въ руки!“ — „Ну, молодецъ, колдунъ! теперь испытывать тебя не буду!“

Наградилъ Ваньку, отправилъ съ почётомъ. Выпустилъ купца, и тово наградилъ.

13. Сейчасъ денегъ много [у Ваньки]. — „Пойти надо на родину, жить себѣ припѣваючи!“ — Идётъ дорогой, застигла ево ночь въ лѣсу. Думаетъ: „Эхъ, попутчиковъ нѣтъ! тоскливо идти одному!“ — Только передумалъ, какъ разъ двое идутъ настрѣчу. — „Здорово! братцы! Куда пробираитесь?“ — „Да вотъ до деревнюшки бы надо добраться, да съ дороги сбились!“ — „Идёмъ, я дорогу найду! Вы неладно пошли, пойдёмте попутно!“

Шли, шли, устали: — всё не можутъ найти дорогу, которую имъ надо. Сѣли отдохнуть. У Ванькиныхъ товарищовъ есь котелокъ, есь и на кашу пшено. Схватились, у всѣхъ троихъ спичекъ нѣтъ — развести огня. Ванька сглянулъ въ сторону, смотритъ: огонекъ. — „Ну-ко, товарищъ, сходи-ко! тамъ хто-то ночуетъ, возьми-ко огонька!“

Тотъ пошолъ; приходитъ, смотритъ: сидитъ пре-старой старой старичишшо и варитъ точно кащу. — „Бохъ помочь, дѣдушка!“ — „Какой тебѣ Бохъ? Сказывай прямо, зачѣмъ пришолъ!“ — „Дай, пожалуйста, намъ огонька!“ — „А скажи мнѣ небылицу, дамъ огня! А скажешь быль, — изъ спины ремень вырѣжу, а изъ пятокъ по пряжкѣ!“ — Тотъ *чо* не скажотъ, всё быль. Вырѣзалъ ему изъ спины ремень, изъ пятокъ по пряжкѣ, проводилъ безъ огня.

Тотъ идётъ и думаетъ: „*Чо* жо, неужели мнѣ имъ сказывать, чево со мной было? — Нѣтъ, не скажу! дай, обману!“ — „Ну! ты *чо* тамъ ходилъ? да *чо*-то и безъ огня?“ — „Да подошолъ — теплилась головёшка; подошолъ — и потухла“.

„Ну-ко, иди второй! Ты не счасливой ли?“ — Второй подошолъ, и съ нимъ то жо случилось, што и съ первымъ.

14. „У, чортъ васъ побралъ! да што такоё? Да'-ко я самъ пойду!“ — Подходитъ. — „Здорово, дѣдъ! Ты чево-жо намъ огонька-то не даёшь?“ — „А вотъ, скажешь небылицу, дакъ дамъ огня! а не скажешь, — изъ спины ремень, изъ пятокъ по пряжкѣ!“ — „Идётъ, старина! Только съ уговоромъ: если перешибёшь мою рѣчь, то у тебя — изъ спины ремень, изъ пятокъ по пряжкѣ!“ — „Ну, давай, разсказывай!“

15. Начинаетъ Ванька разсказывать: „Жили мы съ отцомъ не бѣдно, не богато. Ну, и услыхали, што за моремъ на мухъ скота мѣняютъ. Вотъ мы съ отцомъ вышли на улицу съ двумя мѣшками, давай ловить мухъ. Полнёшеньки мѣшки оба наловили какихъ-нибудь минуты въ двѣ. — На чёмъ ѣхать? Корабля нѣтъ! — Сѣли въ старое корыто, въ бездонное, поѣхали. Пріѣхали за море, давай мѣнять: на кажную муху по быку дали намъ. — Какъ ихъ перевозить? — Я и придумалъ: схвачу быка, размотаю, перешвырну на тотъ берегъ, откудовъ пріѣхали. Всѣхъ перешвырялъ.

Остался одинъ быкъ Бурище. Посадилъ батьку на спину, кричу: „держись за рога!“—Схватилъ за хвостъ, мотался, мотался, а изъ рукъ не выпустилъ; онъ съ нами и перелетѣлъ. Вотъ и давай съ батькой ихъ всѣхъ прикалывать. Закололи,—у насъ мяса-та нихто и не беретъ.

У меня триста лѣтъ тому назать дядя умеръ. Съ тово свѣту мнѣ записочку и прислалъ: „Милой племянничокъ, всѣ мы босикомъ на томъ свѣтѣ ходимъ—кожи нѣтъ!“—Запрегли съ батькой лошаденку, наклали кожи, поѣхали на тотъ свѣтъ. Пріѣхали, кожи съ барышомъ всѣ продали; одна только съ дырой осталась, не взяли.

Батьку тамъ оставилъ журавлей пасти, а самъ сталъ спушшатца на землю. — А какъ, думаешь, спушшался? — Взялъ да кожу-ту на ремешки и изрѣзалъ. Сталъ спускатца. Ну, версты три эдакъ и не хватило ремешка до земли. Я такъ три года и висѣлъ.

По моему счасью, мужикъ пшеницу вѣетъ: мекина кверху и летитъ. Я сталъ ловить да веревку вить. Свилъ, сталъ по этой веревкѣ спускатца. Веревка оборвалась, я бултыхъ въ болото, по самую шею и увязъ. Опять пять лѣтъ въ болотѣ-то и сидѣлъ.

Утка на моей головѣ гнѣздо свила и сидитъ, цыплятъ выводитъ. Подбѣжалъ волкъ, хвать утку. Я изловчился, да ево за хвостъ. Какъ ухнулъ, онъ меня и выташшылъ изъ болота. Я ево хлопъ! убилъ. Разрѣзалъ брюхо, въ нёмъ громаднѣйшій яшшыкъ. Открылъ ево, въ нёмъ шкатулка. Я и шкатулочку открылъ, тамъ записочка лежитъ; въ ей написано, што будто бы твой дѣдъ моёму дѣду долженъ вѣчно оброки платить“.

Старикъ соскочилъ: „Стой! врёшь!“ — „А, старина! попáлся! нашто жо ты рѣчь-то мою перешипъ?“ — Вырѣзалъ ему изъ спины ремéнь, изъ пятокъ по пряжкѣ. Взялъ огня, сталъ варить кашу.

---

51. „Какъ руской татарамъ мечеть строилъ“.

1. Татары порядили мечеть строить русскова строителя. Набрáлъ онъ рабóчихъ, нáчалъ строить и живо вы́строѣлъ. Приходитъ: „Пожалуйте разсчётъ!“ — „Сперва тебя надо угостить!“

Заколóли барана, нажарили-наварили, взяли винá-сивýхи — напоúли всѣхъ рабочихъ. Русской, какъ выпьётъ, много ѣсъ. Здóрово всѣ наѣлись.—„Разсчётъ пожалуйте!“—„У насъ такой дóговоръ: штобы первую ночь тебѣ въ мечётѣ и ночевáть!“—„Лáдно, начýю! што-жъ?“

2. Пришолъ, лёгъ, завернулся. Зáперли ево. Онъ здóрово наѣлся, захотѣлъ ..... И думаетъ: „если я здѣсь ....., тоĥда вѣдь онѣ меня убьютъ! вѣдь всё равно церковь же!“— Думалъ, думалъ, да што же дѣлать? не въ штаны жо? — Взялъ, въ передней уголъ ....., закрылъ тряпúцей. — „Ну, теперь бѣда мнѣ будетъ!“

3. Утромъ, чуть свѣтъ, отворяютъ двери. Заходитъ мулла, ну—всѣ тамъ почётные лúцы и спрашиваютъ: „Ну, чево, строитель, видѣлъ?“—„Ой, ребята, лучше бы мнѣ и не ночевать! Зналъ бы, и строить не сталъ вашу мечеть!... Только лежý, думаю себѣ, въ сáмую полночь — вúхорь поднялся и снесло крышу съ мечети, какъ сечáсъ вижу. И сдѣлалось свѣтлó, какъ днемъ. Явúлси нашъ Бохъ—свѣтлинькой, малинькой, худинька(о)й“. — Татары отвѣчаютъ: „Да, вáша Бохъ шипко худой, плохой, свѣтлинькой!“ — „Всталъ Онъ въ томъ углý и сталъ молúтца“.

„Вразъ ишо тово пушше вихорь поднялся. Залетѣлъ вашъ бохъ — высокой, здоровой“. — „Да, бáчка, нашъ богъ ай-ай здоровá, высокой!“—„Только пошто-то чёрной!“—„Но вѣдь онъ *рóбитъ!* а вáша разѣ рóбитъ?“—„Ну, а вижу: всётаки онъ сильной, это вашъ бохъ!“—„Ой, нашъ бохъ ай-ай сильнá!“ — „Зглянýлъ, нáшево Бога увидалъ, што Онъ мóлитца. Подошóлъ, да какъ Ево въ прáвой бокъ двинетъ...“—